

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 3–4 (40–41), pp. 5–22. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.111

DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-5-22

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

СЛУЧАИ АКТУАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ СДВИГОВ В БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

*Зухра Казимовна Айбазова*¹

*Зарема Калабзаровна Алжанбекова*²

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
соискатель

ORCID: 0000-0002-3621-0654

e-mail: zuhra_aybaz@bk.ru

² Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук,

ответственный секретарь журнала «Российская тюркология»

ORCID: 0000-0001-8759-1592

e-mail: zarema_k@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Айбазова З.К., Алжанбекова З.К., 2023

Аннотация: В данной статье исследуются несколько типов развития семантики в базисной лексике карачаево-балкарского языка в сравнении с другими тюркскими языками. Рассматриваются случаи семантических сдвигов, обусловленных природно-климатическими факторами, такие как переосмысление значений лексем 'туман', 'облако', 'туча' в черекском диалекте карачаево-балкарского языка, имеющее параллель с аналогичным явлением в телёсском говоре алтайского языка. Анализируются сдвиги на основе метонимических переносов в обозначениях концепта 'маховое перо', имеющие схожие траектории в кумыкском и крымскотатарском языках. Подробно разбирается случай паронимической аттракции между глаголами 'плавать' и 'цедить' с реконструкцией развития значений и звуковых форм через привлечение данных чувашского, тувинского и других родственных тюркских языков.

Результаты исследования иллюстрируют динамику лексической семантики в карачаево-балкарском языке, а также выявляют потенциальные векторы семантической деривации в тюркских языках в целом. Полученные данные дополняют корпус эмпирических примеров лексико-семантических процессов в базисной лексике тюркского языкового ареала. Акцентируется важность продолжения подобных диалектологических исследований для систематического наращивания эмпирической базы, что позволит расширить основания для теоретического осмысления закономерностей эволюции лексической семантики. В пер-

спективе планируется продолжить исследование, промежуточной целью которого является семантическая и ономазиологическая реконструкция базисной лексики пракарачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, тюркские языки, тюркская диалектология, лексикостатистика, семантика, семантические сдвиги.

Для цитирования: Айбазова З.К., Алжанбекова З.К. Случаи актуальных семантических сдвигов в базисной лексике карачаево-балкарского языка // Российская тюркология. 2023. № 3–4 (40–41). С. 5–22. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-5-22.

Cases of Current Semantic Shifts in the Basic Vocabulary of the Karachay-Balkar Language

*Zukhra Kazimovna Aibazova*¹
*Zarema Kalabzarovna Alzhanbekova*²

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. student
ORCID: 0000-0002-3621-0654
e-mail: zuhra_aybaz@bk.ru

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Executive Secretary of the journal "Russian Turkology"
ORCID: 0000-0001-8759-1592
e-mail: zarema_k@iling-ran.ru

© IL RAS, 2023

© Aibazova Z.K., Alzhanbekova Z.K., 2023

Abstract: This article explores several types of semantic development in the basic vocabulary of the Karachay-Balkar language in comparison with other Turkic languages. It examines cases of semantic shifts driven by environmental and climatic factors, such as the reinterpretation of the meanings of lexemes 'fog', 'cloud', and 'rain cloud' in the Cherek dialect of the Karachay-Balkar language, which has a parallel with a similar phenomenon in the Teles dialect of the Altai language. The study also analyzes some shifts based on metonymic transfers in the designations of the concept 'flight feather', which have similar trajectories in the Kumyk and Crimean Tatar languages. The case of paronymic attraction between the verbs 'to swim' and 'to strain' is examined in detail, with a reconstruction of the development of meanings and sound forms by incorporating data from Chuvash, Tuvan, and other related Turkic languages.

The results of the study illustrate the dynamics of lexical semantics in the Karachay-Balkar language and reveal potential vectors of semantic derivation in Turkic languages in general. The obtained data complement the corpus of empirical examples of lexical semantic processes in the basic vocabulary of the Turkic language area. The importance of continuing such dialectological research is emphasized to systematically build up the empirical base, which will expand the foundations for the theoretical understanding of the patterns of lexical semantic evolution. Future research is planned with the intermediate goal of semantic and onomasiological reconstruction of the basic vocabulary of the Proto-Karachay-Balkar language.

Key words: Karachay-Balkar language, Turkic languages, Turkic dialectology, lexicostatistics, semantics, semantic shifts.

For citation: Aibazova Z.K., Alzhanbekova Z.K. Cases of current semantic shifts in the basic vocabulary of the Karachay-Balkar language // Russian Turkology. 2023. № 3–4 (40–41). P. 5–22. DOI 10.37892/2079-9160-2023-3-4-5-22.

I. Введение

Карачаево-балкарский язык (КБЯ) относится к западно-кыпчакской группе тюркских языков и распространен, по большей части, в горных и предгорных районах Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, где проживают собственно сами носители: карачаевцы и балкарцы. Наиболее близкими языками являются кумыкский, средний диалект крымскотатарского и караимский. Из мертвых языков – язык «Codex Sinaiticus» (часть, которая была составлена немецким миссионером в XIV в.), а также армяно-кыпчакский язык. КБЯ имеет две литературные нормы. Объясняется это, прежде всего, проживанием народа в двух разных субъектах России. Карачаевская литературная норма распространена в Карачаево-Черкесии, балкарская – в Кабардино-Балкарии. Основные отличия наблюдаются в области орфографических правил.

Выделяются два основных диалекта и говоры:

– ц/з диалект (цокающий) с черекским (малкарским) и хуламо-безенгиевским говорами;

– ч/дж диалект (джокающий) с карачаевским и баксано-чегемским говорами [Совр. КБЯ 2016: 11].

Черекский диалект, хуламо-безенгиевский и баксано-чегемский говоры распространены в Кабардино-Балкарии, карачаевский говор – в Карачаево-Черкесии.

В основе литературного КБЯ лежит ч/дж (ж) диалект.

В разное время разные авторы строили классификации карачаево-балкарских диалектов на типах рефлексии пратюркских *č и *j. Эти классификации можно отразить в следующей таблице:

Таблица 1 [Дыбо 2018]

Алиев 1960	карачаевский [ч-диалект] č; ž	промежуточный			малкарский c; z
		баксанский č; ž	чегемский č; ž	холамский c; ž, ž, z	
Филоненко 1940; Аппаев 1960	[-]	балкарские диалекты			
		баксанский č; ž	чегемский č; ž	холамо-бызынгийский c, č; z, ž	черекский c; z
Акбаев 1963	основной; ч-диалект		промежуточный	ц-диалект	
	баксано-чегемский		холамо-бызынгийский	малкарский	
Соттаев 1960	ч-диалект		ц-диалект		
	č; ž	баксано-чегемский č; ž, ž	холамо-бызынгийский c, č; ž	малкарский c; z	

Первые научные описания карачаево-балкарского языка и его диалектов относятся к трудам венгерских востоковедов В. Прёле [1909а; 1909б; 1914–1915; 1915–1916] и Ю. Немета [1911], а также к грамматическому очерку балкарского языка, опубликованному отечественным ориенталистом Н.А. Карауловым в 1912 г. [1912]. Систематическое изучение КБЯ в СССР, оборванное депортацией карача-

евцев и балкарцев в 1943–1957 гг., было восстановлено в 1960-е гг. и продолжается по сей день.

До 1963 г. в фокусе диалектологических исследований была в основном фонетика диалектов карачаево-балкарского языка [Филоненко 1940; Аппаев 1960]. Позже вопросы карачаево-балкарской диалектологии частично были решены в работах Ш.Х. Акбаева [1963; 1999]. Ж.М. Гузеев сделал ряд существенных уточнений в выделении говоров из основных диалектов, а также описал ряд морфологических и фонетических особенностей, ранее никем не отмеченных [1974; 1975; 1979; 1985; 2015].

В 2018 г. была проведена первая в истории изучения карачаево-балкарского языка лексикостатистическая экспедиция в Кабардино-Балкарию, а в 2019 г. – в Карачаево-Черкесию с целью сбора расширенных корпусов базисной лексики по методике списков М. Сводеша. Помимо этого, респонденты-носители карачаево-балкарского языка были опрошены с использованием специально разработанных и адаптированных для данных полевых исследований грамматического и фонетического опросников.

II. Материалы и методы

Статья является небольшим извлечением из ведущейся на данный момент семантической и ономаσιологической реконструкции базисной лексики пракарачаево-балкарского языка. Соответственно, в контексте общей работы и публикуемой в частности применялся классический инструментарий сравнительно-исторического языкознания. Актуальные в рамках данного исследования методы:

- выявление регулярных звуковых соответствий и анализ отклонений от таковых;
- лексико-семантический анализ и исследование формирования и направления семантических сдвигов, развития семантических шлейфов;
- сопоставительный анализ для отделения поздних процессов от развития древних лексико-семантических и фонетических рефлексов;
- этимологический анализ с определением языков – источников заимствований.

Приведенные далее примеры завершенных и протекающих лексико-семантических процессов в базисном лексическом фонде карачаево-балкарского языка опираются, прежде всего, на:

- материалы балкарской экспедиции 2018 г., осуществленной Отделом урало-алтайских языков ИЯз РАН¹;
- материалы карачаевской экспедиции 2019 г., осуществленной научным сотрудником Отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН З.К. Айбазовой (всего 53 кбалк. лексикостатистические анкеты);
- материалы кумыкской экспедиции 2017–2019 г. З.К. Алжанбековой;
- материалы по крымскотатарским диалектам, крымчакскому, караитскому наречиям из работы М. Полински [Polinsky 1992];

¹ Материалы этой и нижеследующих экспедиций частично доступны в электронном виде (см. список литературы), остальная часть еще находится в обработке – (Прим. ред.)

– материалы из статьи И. Егорова по реконструкции протокараимского языка [Egorov 2020];

– лексические и толковые словари указанных языков и др.

III. Результаты и обсуждение

В ходе исследования были проанализированы и получены данные о характере нескольких типов семантических сдвигов на основе метонимических переносов и случай паронимической аттракции в карачаево-балкарском языке, которые нашли параллели в том числе и в самых отдаленных географических точках тюркского языкового ареала. Эти результаты в отдельных случаях очень хорошо иллюстрируют динамику развития лексического значения слова, а также в целом дополняют базу данных о завершенных и текущих лексико-семантических процессах в базисной лексике тюркских языков.

Постоянно пополняемая таким образом лексикостатистическая база данных с подробным описанием и сопоставлением примеров по тюркским языкам позволяет глубже осмыслить потенциальные траектории эволюции языка(ов) и расширяет основания для теоретического анализа и практической интерпретации языковых изменений.

1. Примечания к цветообозначениям, характеристикам и терминологии

1.1. В представленных ниже таблицах различие лексем по цветам соответствует частоте их встречаемости в рамках проведенного исследования. Черным обозначены основные, наиболее частотные нейтральные термины; зеленым – вторые по количеству употреблений; красным – лексем, зафиксированные единично.

1.2. Ввиду того, что мы имеем разное количество анкет для каждого из диалектов и говоров карачаево-балкарского языка, разделение лексем на основные и частотные в некоторых случаях может носить условный характер. Однако в целом главные нейтральные обозначения для сводешевских концептов выписываются достаточно хорошо.

Также стоит учитывать, что характеристика «единичный» не всегда указывает на редкость употребления лексемы. В анкетах информантов переводы для некоторых концептов могут, по разным причинам, отсутствовать, а имеющиеся в рамках конкретного говора данные – различаться. Например, из семи баксанских респондентов только трое дали ответ на контексты для термина ‘маховое перо’. И все ответы оказались разными, что автоматически делает их «единичными» в рамках баксанского говора, но ничего не говорит о частоте их употребления. В такой ситуации было бы некорректным делать однозначные выводы о распространенности того или иного термина.

1.3. В целом, мы придерживаемся диалектного членения, в рамках которого выделены два кластера – ц/з (цокающий) и ч/дж (джокающий) диалекты. К первому отнесен черекский диалект, ко второму – баксанский, чегемский, карачаевский говоры. Хуламо-безенгиевский говор занимает промежуточное положение между двумя основными диалектными кластерами. Также для удобства дифференциации мы ввели условное обозначение «баксано-чегемский говор» для поле-

вых данных, полученных из населенных пунктов Лашкута, Кёндеден и Жанхотеко в Кабардино-Балкарии. Балкароразычные жители этих мест, по большей части происходящие из Баксанского и Чегемского ущелий, демонстрируют в своем говоре смешанные фонетические и лексические особенности обоих говоров.

2.1. Паронимическая аттракция на примере развития глагола 'плавать' в КБЯ

Таблица 2

	черек.	хул.-без.	чегем.	бакс.-чег.	бакс.	карач.
плавать	süz-	žüz-, süz-	žüz-/žüz-	žüz-/žüz-	žüz-	žüz-
плыть	süz-, bar-	žüz-, bar-, süz-	žüz-/žüz-, bar-	jüz-, bar-	žüz-, bar-, žüzüp kel-	žüz-, bar-, žüzüp bar-

2.1.1. Полевые и лексикографические данные

Как концепт базисной лексики по Сводешу нас прежде всего интересует глагол, обозначающий активное, ненаправленное действие на воде, осуществляемое исключительно человеком. Все прочие контексты, связанные с плавающими животными, кораблями, сплавляющимися плотами и бревнами (см. ст. *плыть*), использовались в полевых исследованиях исключительно для уточнения и выделения основного значения глагола 'плавать' в отношении человека.

Как видно из таблицы 2, в отношении плавающего человека чегемо-карачаевский ареал совпадает в употреблении глагола *žüz-/žüz-*. Он же является основным для хуламо-безенгиевского промежуточного говора. На этом фоне выделяется черекский ареал со словом *süz-*, которое, очевидно, частично проникло и в хуламо-безенгиевский, выступая частотным синонимом к *žüz-*.

В КБРС *žüz-* 'плавать'; *süz-* 'цедить'.

В ТСКБЯ *žüz-* 'плавать'; *süz-* 'цедить'; *süzül-* 1. страд. от *süz-*; 2. 'устояться'; 3. 'плавно течь [о воде]'; 4. 'лететь', 'парить'; 5. 'двигаться быстро'; 6. 'жеманиться', 'кокетничать'.

В случае с *süzül-* 'плавно течь' добавляется аффикс страдательного залога для элиминации переходности.

2.1.2. Соответствия в тюркских языках

Рефлексы глагольной основы *süz-* в значении 'плавать' встречаются в чаг., тат. (диал.), кирг., узб. (диал.). В тув., тоф. *süs-* 'ходить по воде', в чув. *sər-* (кирилл. *сёр-*) 'ловить рыбу сетью' < 'цедить', в кирг., ккалп., тат. 'ловить рыбу бреднем' (*balıq süz-*); см. также в тур., гаг., кар.К, кумык., каз., уйг. *süz-* 'цедить'; кар.Г 'черпать, вылавливать ковшом'; тат., башк. 'вылавливать [плавающее в жидкости]' [ЭСТЯ 2003: 366–367].

Рефлексы глагола *jüz-* в значении 'плавать' фиксируются в др.-уйг., крх.-уйг., чаг., хорезм., кып., куман., кумык., кар.К, каз., ккалп., башк., тат., туркм., аз., тур., хак., шор. и др. [ЭСТЯ 1989: 261].

Интересно, что в близкородственных крымскотатарском и караимском языках для термина ‘плавать’ используются основы *çom-* и *jalda-*. Причем последняя, по всей видимости, проникает в куманские языки из степного крымскотатарского (по сути, ногайского) и происходит от общетюрк. *jal-* ‘грива’. Это объясняется тем, что кочевники часто переправлялись через реки на конях, ухватываясь за их гривы.

2.1.3. Этимологические данные

В вопросах связи между глаголами *süz-* ‘цедить’, *süz-* ‘плавать’ и *jüz-* ‘плавать’ нет консенсусного мнения. Допускаются несколько вероятных траекторий семантических и фонетических изменений в развитии этих лексем:

1. ‘цедить’ < *‘пропускать через’ < *‘скользить по поверхности’ < *süz-* ‘плавать’;
2. *süz-* < **üz-* < *jüz-* [ЭСТЯ 2003: 366–368].

Однако наиболее вероятной в данном случае представляется паронимическая аттракция, в результате которой семантика глагола *jüz-* частично перекинулась и дала новые значения глаголу *süz-*, расширяя его семантический шлейф (к имеющемуся значению добавилось новое, с прежней частью). Чувашский, киргизский, тувинский и некоторые другие примеры (см. п. 2.1.2) дополняют картину и наглядно иллюстрируют логику того, как процесс процеживания *süz-* может переосмыслиться через рыболовство сетью/бреднем и хождение по воде (по всей видимости, с теми же самыми целями, т. е. при закидывании сети) и постепенно перетекает в передвижение по воде, смешиваясь в ряде языков с фонетически близкой оболочкой глагола *jüz-*. Далее диалекты и говоры, в которых эта трансформация дошла до стадии завершения, дают рефлексy в языки-потомки.

Примечательно, что данный процесс был реализован в отдельных тюркских языках и диалектах, раскиданных по огромной территории, что позволяет сделать вывод, с одной стороны, об автономности процессов в этих языках, с другой – о его потенциально универсальной логике в рамках тюркских языков. При этом на более глубоких уровнях реконструкции можно будет решить вопрос о связанности этого процесса в разных кыпчакских и некыпчакских языках.

В ЭБТЯ праформа для *jüz-* ‘плавать’ – **yüř-* [ЭБТЯ, № 79], для *süz-* ‘цедить’ – **süř-* [ЭБТЯ, № 821].

2.2. Метонимические переносы в семантическом окружении концепта ‘маховое перо’ и их распределение в западно-кыпчакских языках

Таблица 3

	черек.	хул.-без.	чегем.	бакс.-чег.	бакс.	карач.
перо	tük, qanat	qanat, түк	qanat, түк	qanat, түк	tük, qanat, quw	tük, quš
подушка набита перьями	quš, түк, tawuq түк, quw, qanat	tük, tawuq түк, pux, qanat	tük, tawuq түк, pux	tük	quš, quw, түк	tük, quš, qanat түк

подушка набита пухом	puх, quş, quw, tük, tawuq tük, zün	tük, quş tük, quw tük, tawuq tük, qaz tük, puх tük, puх	tük, tawuq tük, qaz tük, quw tük, bappuş tük, žün, mamuq	puх, tük, tübit	quw, tük	puх, quw, puх tük, qaz tük, quş, tıqlama, tükten tıq-
крыло	qanat	qanat	qanat	qanat	qanat	qanat

2.2.1. Лексикографические данные

Под пером может подразумеваться маховое, хвостовое или мелкие перья – пух. В контексте сводешевского списка ключевой вопрос – различение этих разновидностей в используемой респондентами лексике и выбор наиболее нейтрального обозначения: либо махового пера, либо термина, объединяющего все три вида перьев [Дыбо 2013: 258].

Перед анализом полевых данных целесообразно предоставить соответствующие словарные определения наиболее релевантных терминов, представленных в таблице:

- *тюк* 1) ‘волос’, 2) ‘ворс’, 3) ‘мех’, 4) ‘перо, оперение’, ‘пух’;
- *къанат* ‘крыло’;
- *къуу* 1. ‘пух, пуховый’; 2. устар. ‘лебедь, лебязжий’;
- *къуш* 1. ‘орел, орлиный’, 2) ‘птица’ (в составе названий *гылын къуш* ‘сова’ или в фольк.), 3) ‘пух, пуховый’;
- *къаз* ‘гусь, гусиный’;
- *банпуш/бабуш* ‘утка, утиный’;
- *тауукъ* ‘курица, куриный’;
- *джюн/жюн/зюн* ‘шерсть’.

Здесь важно отметить, что, несмотря на приобретение лексемами *къуу* и *къуш* в результате полисемии дополнительных значений ‘пух, пуховый’, в функции определения в составе сложных слов они, как ни странно, возвращаются к своим первоначальным, ныне устаревшим, значениям. Это предположение косвенно подтверждается аналогичными конструкциями, состоящими из названий птиц *къаз/тауукъ/банпуш* + *тюк* ‘перо’, которые использовались респондентами для обозначения пуха или мелких перьев. Можно предположить, что развитие полисемии в данном случае шло следующим путем:

- *къуу* устар. ‘лебедь’ > *къуу тюк* ‘лебязжий пух’ > *къуу* ‘пух’;
- *къуш* ‘орел/птица’ > *къуш тюк* ‘птичий пух, мелкие перья’ > *къуш* ‘пух’.

При этом важно отметить, что вышеупомянутый процесс произошел до семантического сужения лексемы *къуш* от исходного значения ‘птица’ к значению ‘орел’. На данный момент, согласно карачаево-балкарским лексикографическим источникам и актуальным полевым данным, основными терминами для обозначения птицы являются две лексемы: *чыпчыкъ* и *къанатлы*. А *къуш* в значении ‘птица’ сохранился только в составных названиях птиц и в некоторых примерах из фольклора.

Ситуация же эллипсиса вершины именной группы с последующим подъемом определения на позицию вершины представляет собой довольно типичный для тюркских языков случай. Различные типы элидирования в тюркской именной

группе подробно рассмотрены в работах R.V. Lees [Лиз 1987: 311–323], Н.Н. Логвиновой [Логвинова 2019: 86–129], В.С. Мальцевой [Мальцева 2017].

2.2.2. Полевые данные

Как видно из таблицы 3, лексема *къанат* ‘крыло’ используется в значении ‘перо’ (или, по крайней мере, приводится информантами в контекстах, где подразумевается это значение) как частотное в черекском диалекте и основное в хуламо-безенгиевском, чегемском и баксано-чегемском говорах, т. е. наблюдается преимущественно в группе балкарских диалектов и говоров. В карачаевском говоре в качестве основного термина для обозначения ‘пера’ используется лексема *тюк*. Мелкие перья также обозначаются словом *тюк*, иногда – *къуш*.

Для обозначения пуха на всем протяжении диалектного ареала используются различные варианты: наиболее часто встречаются *пух* (заимств. из рус. яз.) и *къуу*, а также сочетания *къаз тюк* ‘гусиное перо’ и *пух тюк* досл. ‘пуховое перо’ и *къуш*.

Расширение значений термина ‘перо’ в карачаево-балкарских диалектах происходит через семантические сдвиги на основе метонимического переноса, которые можно объединить в две основные категории:

- 1) перенос значения с целого на часть, как в случае с *крыло* → *перо*;
- 2) перенос названий различных птиц на их пух, оперение.

Первый случай довольно нов для карачаево-балкарского языка, он никак не отмечен ранее и не зафиксирован в лексикографических источниках, но его потенциальность подтверждается аналогичными процессами, которые прошли и нашли свое завершение в близкородственных языках (примеры из кумык. и крымтат. будут далее). Второй же случай включает завершенные и незавершенные семантические сдвиги. К завершенным можно отнести лексемы *къуу* и *къуш* в своих дополнительных, уже устоявшихся значениях ‘пух, пуховый’; к незавершенным – сочетания типа *къаз тюк*, *тауукъ тюк* для пуха и мелких перьев.

Подводя итоги по карачаево-балкарскому диалектному ареалу, можно предположить, что такое разнообразие для обозначения основного махового пера развилось, вероятно, из первичного для КБЯ варианта *тюк* ‘волос’, ‘перо’. В этом значении слово фигурирует во всех диалектах и говорах, за исключением баксано-чегемского говора. Из многочисленных синонимов и синонимичных композитов только *къуу* и *къуш*, через развитие полисемии и вторичную субстантивацию используются как имена (а не только определения) для обозначения пуха/мелких перьев.

2.2.3. Соответствия в других тюркских языках

При изучении примеров из ближайших для КБЯ кумыкских диалектов можно заметить, что во многом направление метонимических переносов сходно. Так, слово *тюк* ‘волос’ преобладает для обозначения основного махового пера, также встречаются *къув* ‘лебедь’ и *къанат* ‘крыло’. В целом, обозначения распределились по диалектам следующим образом.

Маховое или основное перо:

- лит., тер., подгор., кайт. *тюк* ‘волос’, ‘перо’;

- буйн. *къув* ‘лебедь’, ‘лебяжий’;
- лит., кайт. *къанат* ‘крыло’.

Мелкие перья:

- тер., хасав. *тюк* ‘волос’;
- буйн., кайт. *къув* ‘лебедь’, ‘лебяжий’.

Пух:

- буйн., кайт. *пух*;
- подгор. *къув* ‘лебедь’, ‘лебяжий’, *къаз* ‘гусь’, ‘гусиный’.

Сложно сказать, как распределяется удельный вес этих обозначений внутри кумыкских диалектов, для этого требуется добор материалов по каждому из них, кроме кайтакского. Однако в целом перечень наиболее часто используемых терминов и употребление их в качестве определений и имен совпадает с карачаево-балкарским. См.:

Джан къанатындан къувун ташлагъан ‘Птица потеряла перо из крыла’ (буйн. диал.).

Къув йастукъ. Къаз йастукъ ‘Подушка набита пухом’, здесь *къаз* и *къув* в качестве определения ‘пуховый’ (буйн. диал.).

Къуш къанатин тас этип ‘Птица потеряла перо из крыла’ (кайт. диал.).

Туйкден толгъан бойлукъ ‘Подушка набита перьями’ (хасав. диал.).

При этом в кумыкском словаре, в отличие от карачаево-балкарских, для слова *къанат* ‘крыло’ дополнительно фиксируется и значение ‘перо’ [Бамматов 1960: 650]. Вероятно, процесс семантического сдвига в кумыкском начался раньше и закрепился, что позволило составителям отметить данный факт.

Имеющиеся на данный момент материалы по кумыкским диалектам позволяют в общих чертах реконструировать некоторые из прошедших семантических трансформаций. Предположительно, в буйнакском, кайтагском и подгорном диалектах наблюдается ситуация, при которой из лексем *къув* в первоначальном значении ‘лебедь/лебединый’ через элидирование имени в сочетании *къув тюк* ‘лебяжий пух’ получился *къув* в значении ‘пух’. В кайт. и буйн. диалектах процесс продолжился: *къув* ‘пух’ > *къув* ‘мелкие перья’. В буйнакском диалекте дальнейший синкретизм значений мелкого и махового пера привел к тому, что *къув* стало обозначать и ‘маховое перо’ тоже. При расширении кумыкских диалектных списков базисной лексики по Сводешу станет возможным исключить или подтвердить вышеописанные сценарии развития значений для концепта ‘маховое перо’.

Не менее интересная ситуация сложилась с развитием обозначений для ‘пера’ в ареалах крымского языкового континуума.

Рассмотрим, к примеру, крымскотатарский язык:

- кТор. *quiş-qanat*, кТЮж. *lelek*, кТСт. *kuşin* ‘перо’ [Polinsky 1992: 176];
- кТЮж. *qanat* ‘перо’ (инф. Кайтазов, Узбекистан);
- крымчак. *рих*, караит. *qanat* ‘перо’ [Polinsky 1992: 179].

В крымскотатарском словаре значения, без привязки к диалектам, распределяются следующим образом:

- *елék* ‘перо’; ‘оперение’; ‘пух’;
- *къанат* ‘крыло’; ‘маховое перо’;

- *тюк* ‘щетина’; ‘ворс’; ‘перо птицы’; ‘пух [тонкие волоконца на растениях и плодах]’;
- *кьуш* ‘птица, птичий’ [Усеинов 2007: 374, 419, 431, 555].

Анализ крымскотатарских лексикографических данных выявляет между лексемами существенные корреляции, обусловленные происхождением основных диалектов языка. Так, варианты *лелек/елек*, помеченные у Полински как южнобережные, имеют прямые параллели в огузских языках, ср. аз. *lələk* ‘перо’, тур. диал. *jelek* (орф. *yelek*) ‘маховое перо’, тур. *telek* ‘маховое перо’. В степном диалекте форма *quşın* совпадает с ногайским обозначением пера. В результате для собственно куманского, или орта крымскотатарского, диалекта зафиксирована сложносоставная лексема *quş-qanat* ‘птица-крыло’, в которой семантика второй части расширилась до значения ‘маховое перо’, а также литературная, словарная, форма *tük* без указания диалектной принадлежности, имеющая параллели с основными номинациями пера в кумыкском и карачаево-балкарском языках.

Караимские диалекты представлены в данном сводешевском вхождении сразу двумя лексемами и их фонетическими вариантами:

- кар.К *йюн/йун* 1) ‘перо’, ‘пух’; *йюн* ‘шерсть’; *тюк* ‘шерсть’;
- кар.Г *йюн/йун* 1) ‘перо’, ‘пух’; 2) ‘шерсть’; *тик* 1) ‘перо’, ‘оперение’; 2) ‘перина’;
- кар.Т *йюн/йун* 1) ‘перо’, ‘пух’; 2) ‘шерсть’; *тюк* ‘шерсть’, ‘волос’.

Передне- и заднерядные фонетические варианты формы *йюн/йун* в значении ‘перо’ фиксируются во всех трех диалектах: крымском, галичском и тракайском. Эта лексема имеет пересечения с обозначением пера в других кыпчакских языках, см. тат. *jon*, башк. *jön*, ног. *jun*, каз. *quş žüni*, кклар. *žün*; восходит к ПТ **jün* ‘шерсть’, ‘пух’ [Дыбо 2013: 260]. Среди западно-кыпчакской группы языков караимский, пожалуй, единственный сохранивший это значение, ср. в крымтат. *юн*, кумык. *юн*, кбалк. *джюн/жюн/зюн* ‘шерсть, руно’.

Общий западно-кыпчакский *тюк/тик* восходит к ПТ **tük*, который с наибольшей вероятностью восстанавливается в значении ‘волос на теле’, включая подшерсток у животных и пух у птиц [Clauson 1972: 433; Дыбо 2013: 298; ДТС 1969: 594].

Резюмируя, можно отметить, что различные лексико-семантические процессы, повлиявшие на развитие обозначений махового пера, наиболее схожи в группе западно-кыпчакских языков в кумыкских и карачаево-балкарских диалектах. Особенно это касается типа метонимических переносов, при которых названия птиц начинают включать в свое значение название оперения этих птиц. Вероятно, что этот процесс может восходить к более раннему состоянию обоих языков.

Что касается семантического сдвига в паре *крыло* → *перо*, то этот процесс выглядит вполне устоявшимся в кумыкском и крымскотатарском языках, но довольно новым и все еще лабильным в карачаево-балкарском. Косвенно в пользу этого говорит и тот факт, что значительная часть карачаево-балкарских информантов в принципе затруднялась вспомнить точное обозначение пера и, возможно, подбирала ближайшие номинации из соответствующего семантического поля. Вероятно, таковым и был путь, который на более ранних стадиях прошла часть кумыкских и крымскотатарских диалектов. Поэтому в данном случае вполне уместно говорить об автономном протекании этих процессов в указанных

языках, а не о контактном влиянии или общем происхождении феномена. В языках мира также наблюдается высокий уровень полисемической связи между концептами ‘крыло’ и ‘перо’, что хорошо иллюстрируется данными из Базы данных межъязыковых эквиваленций (Database of Cross-Linguistic Colexifications) [CLICS³]. Подобная полисемия фиксируется и в ряде тюркских идиомов: алт. (диал.), баш., тат., тубалар. [Федотова 2020: 98].

2.3. Влияние природно-климатических условий на семантические сдвиги в обозначениях ‘облака’ и ‘тучи’

Таблица 4

	черек.	хул.-без.	чегем.	бакс.-чег.	бакс.	карач.
облако	tuman, bulut	bulut, tuman	bulut, tuman	bulut	bulut	bulut, tuman
туча	qara/zawun bulut, qara/zawun tuman	bulut, tuman	bulut, tuman	bulut	bulut, tuman	bulut
туман	tuman	tuman, bulut	tuman	tuman	tuman	tuban

В этимологическом словаре базисной лексики тюркских языков при рассмотрении термина ‘облако’ предлагаются контексты для дифференциации его семантики от значения ‘туча’ (грозовое или дождевое облако). Вместе с тем, А.В. Дыбо отмечает, что, с точки зрения хозяйственной деятельности, тучи оказывают значительно большее влияние, чем облака, и потенциально могли бы демонстрировать более высокую частотность употребления. Кроме того, в экспедиционных материалах лексически выраженная разница между понятиями ‘туча’ и ‘облако’ была зафиксирована только в тёлёском говоре теленгитского диалекта алтайского языка в с. Балыкча. Тёлёские респонденты передавали понятие дождевого облака=тучи через слово *туман*, тогда как в литературном алтайском языке *туман* обозначает ‘туман’. Такое развитие значения лексемы *туман* в данном говоре связано с природно-климатическими условиями населенного пункта, расположенного в узком ущелье реки, где дождевые тучи, по сути, представляют собой ползущий по ущелью туман [Дыбо 2013: 197].

Особенно интересным стало обнаружение схожего, хотя и не идентичного, семантического сдвига в черекском диалекте карачаево-балкарского языка, связанного с семантическими парами *туман* → *облако* и *облако* → *туча*. Возможно, этот феномен также обусловлен схожими ландшафтными и климатическими условиями, поскольку речь идет о Черекском ущелье в горах Центрального Кавказа. Принимая во внимание возможную обусловленность данного семантического перехода особенностями местного климата, следует также отметить распространение этой инновации среди носителей черекского диалекта и в других населенных пунктах КБР, например, в с. Ташлы-Тала Лескенского района, основанном выходцами из Черекского ущелья в 1920-х гг. XX в.

В рассматриваемом случае лексема *туман* сохраняет свое основное значение ‘туман’ (см. таблицу 4), однако наблюдается расширение ее семантического объ-

ема за счет включения понятия 'облако'. Следует отметить, что в карачаево-балкарских диалектах данный семантический сдвиг протекает неравномерно, а в ряде случаев он вовсе не зафиксирован. Центром происхождения данной инновации, по всей видимости, выступает черекский диалект, поскольку только в нем *туман* является наиболее частотной номинацией для обозначения понятия 'облако'. Именно так перевели соответствующие контексты более половины черекских респондентов.

Вследствие описанного семантического сдвига наблюдается вторичное смещение, при котором общетюркская и одна из наиболее устойчивых лексем *bulut* 'облако' становится предпочтительнее для обозначения понятия 'туча'. Респонденты для выражения понятия 'туча' использовали следующие варианты и сочетания: *булут* 'облако', *къара булут* 'черное облако' и *зауун булут* 'дождевое облако'. Вероятным результатом протекающих процессов можно предположить окончательную дифференциацию значений, при которой *туман* будет означать понятия 'облако' и 'туман', а *булут* – 'дождевая/грозовая туча'. Однако, если принимать во внимание нелинейный характер подобных семантических изменений, такой исход не является обязательным.

При этом в ответ на просьбу дифференцировать понятия 'туман' и 'облако' двое черекских респондентов предоставили одинаковые интерпретации. Согласно их пониманию, облака (кбалк. *булут*) – это атмосферные образования, находящиеся в небе, выше гор, в то время как туман (кбалк. *туман/тубан*) – это низко стелющаяся по горным склонам или земле облачная дымка. Тем не менее, данное литературно «правильное» разграничение значений не оказывает существенного влияния на узус соответствующих лексем в разговорной речи носителей диалекта.

В промежуточном хуламо-безенгиевском говоре основным обозначением для облака и тучи остается лексема *булут*, однако *туман* продолжает присутствовать в трети ответов респондентов, что дает возможность отнести лексему к высоко-частотному синониму.

В чегемском говоре наблюдается аналогичная хуламо-безенгиевской ситуация с той лишь разницей, что частотность лексемы *туман*, по имеющимся у нас материалам, не такая высокая. Тем не менее ее наличие как синонима лексемы *булут* для обозначения облака и тучи стоит отметить.

В остальных говорах лексема *туман* в значении 'облако' встречается лишь в единичных случаях, что исключает ее из синонимического ряда для этой номинации. В данный ареал входят три населенных пункта, говор которых условно классифицируется как промежуточный баксано-чегемский, собственно баксанский говор, а также весь карачаевский ареал. Стоит привести эти единичные случаи: в баксанском говоре один респондент использовал сочетание *къара туман* 'черный/грозовой туман' для обозначения тучи; двое карачаевских респондентов разграничили лексемы, обозначив дождевые облака через *булут*, недождевые – через *тубан* (карач. вариант произношения). По сути, это распределение значений между данными лексемами соответствует «черекской логике», однако, учитывая, что карачаевский говор и черекский диалект представляют собой крайние точки диалектного континуума, а языковое пространство между ними не характеризуется сходной и устойчивой семантической дистрибуцией, данное явление

следует относить к потенциалу подобного семантического перехода в целом, а не к результату контактных процессов или общего происхождения инновации.

Необходимо также остановиться на фонетическом различии между балкарской формой *туман* и карачаевским вариантом *тубан* в значении ‘туман’. В ближайших родственных языках – кумыкском, караимском, крымскотатарском – зафиксирован вариант *туман*. При отсутствии очевидных фонетических условий, которые могли бы спровоцировать переход *-m-* > *-b-* в данном конкретном случае, это чередование объясняется древним состоянием рассматриваемых корневых основ [ЭСТЯ 1980: 295].

Подводя итоги, следует отметить, что, согласно данным этимологического словаря базисной лексики тюркских языков, «лексема ‘облако’ характеризуется стопроцентной сохраняемостью во всех тюркских идиомах» [Дыбо 2013: 197], и соответствующая словарная статья является одной из наиболее лаконичных и недвусмысленных. На материале экспедиционных данных к телёсскому примеру лексического разграничения понятий ‘облако’ и ‘туча’ мы можем также добавить в качестве нового кейса лексико-семантические процессы, протекающие в восточной оконечности карачаево-балкарского диалектного ареала. Примеры из карачаевского говора, который относится к крайней западной части диалектного континуума, демонстрируют, что принципы лексического разграничения рассматриваемых явлений могут совпадать и независимо друг от друга.

Таким образом, несмотря на действительно высокую степень сохранности и устойчивости лексемы *булут*, можно констатировать, что в целом прослеживается один из потенциальных сценариев ее семантического смещения в определенных природно-климатических условиях.

IV. Заключение

Данная статья является небольшой выдержкой из текущей работы по реконструкции базисной лексики пракарачаево-балкарского языка, которая впоследствии также станет частью корпуса эмпирических данных, иллюстрирующих семантическую деривацию в тюркских языках. Нарращивание корпуса лексикостатистических данных с детализированным описанием и сопоставлением примеров по тюркским языкам позволит углубить понимание потенциальных векторов развития лексической семантики. Следовательно, продолжение подобных диалектологических исследований с целью систематического пополнения эмпирической базы представляется крайне важной задачей для расширения оснований теоретического осмысления закономерностей лексико-семантической эволюции.

Сокращения

Языки и диалекты:

аз. – азербайджанский

алт. – алтайский

бакс. – баксанский говор

бакс.-чег. – баксано-чегемский говор

башк. – башкирский

буйн. – буйнакский диалект кумыкского

гаг. – гагаузский

др.-уйг. – древнеуйгурский

каз. – казахский

кайт. – кайтакский диалект кумыкского

караит. – караитский
 карач. – карачаевский говор
 кар.Г – караимский галичский
 кар.К – караимский крымский
 кар.Т – караимский тракайский
 кбалк. – карачаево-балкарский
 КБЯ – карачаево-балкарский язык
 кирг. – киргизский
 ккалп. – каракалпакский
 крх.-уйг. – караханидско-уйгурский
 ктОр. – крымскотатарский орта диалект
 ктСт. – крымскотатарский степной диалект
 ктЮж. – крымскотатарский южнобережный диалект
 крымтат. – крымскотатарский
 крымчак. – крымчакский
 куман. – куманский
 кумык. – кумыкский
 кып. – кыпчакский
 рус. яз. – русский язык
 лит. – литературный

подгор. – подгорный диалект кумыкского
 ПТ – пратюркский
 тер. – терский диалект кумыкского
 тат. – татарский
 тоф. – тофаларский
 тубалар. – тубаларский
 тув. – тувинский
 тур. – турецкий
 туркм. – туркменский
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 хак. – хакасский
 хасав. – хасавюртовский диалект кумыкского
 хорезм. – язык хорезмийско-тюркских памятников
 хул.-без. – хуламо-безенгиевский говор
 чаг. – чагатайский
 чегем. – чегемский говор
 черек. – черекский диалект
 чув. – чувашский
 шор. – шорский

Прочие сокращения:

диал. – диалектизм
 досл. – дословно
 заимств. – заимствование

КБР – Кабардино-Балкарская Республика
 устар. – устаревшее

Литература

- Акбаев 1963 – *Акбаев Ш.Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (опыт сравнительно-исторического изучения). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1963. – 166 с. {*Sh.Kh. Akbaev. Phonetics of dialects of the Karachay-Balkar language (an attempt at comparative historical study).* – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1963. – 166 p.}
- Акбаев 1999 – *Акбаев Ш.Х.* Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. – Карачаевск, 1999. – 257 с. {*Sh.Kh. Akbaev. Dialects of the Karachay-Balkar language in the light of structure, genetics and areal.* – Karachayevsk, 1999. – 257 p.}
- Алиев 1960 – *Алиев У.Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Третье региональное координационное совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов. – Баку, 1960. – 61 с. {*U.B. Aliev. Dialectal Division of the Language of Karachays and Balkars // Third Regional Coordination Meeting on Turkic Languages Dialectology. Abstracts of Reports.* – Baku, 1960. – 61 p.}
- Аппаев 1960 – *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к литературному балкарскому языку. – Нальчик, 1960. – 76 с. {*A.M. Appaev. Dialects of the Balkar Language in their Relation to the Literary Balkar Language.* – Nalchik, 1960. – 76 p.}
- Ахметьянов 2015а – *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. I том. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015. – 543 с. {*R.G. Akhmetiyarov. Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes. Volume I.* – Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. – 543 p.}
- Ахметьянов 2015б – *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. II том. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015. – 567 с. {*R.G. Akhmetiyarov. Etymological dictionary of the Tatar language: in two volumes. Volume II.* – Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. – 567 p.}
- Бамматов 1960 – *Бамматов З.З.* Русско-кумыкский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – 1149 с. {*Z.Z. Bammatov. Russian-Kumyk dictionary.* – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1960. – 1149 p.}

- Бамматов, Оразаева 2007 – *Бамматов З.З., Оразаева Г.М.* Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. – 1733 с. {*Z.Z. Bammatov, G.M. Orazaeva.* Kumyk-Russian dictionary. – Makhachkala: Institute of Language and Literature of the Dagestan Scientific Center of the RAS, 2007. – 1733 p.}
- Баскаков 1956 – *Баскаков Н.А.* Русско-ногайский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. – 735 с. {*N.A. Baskakov.* Russian-Nogai dictionary. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1956. – 735 p.}
- Баскаков, Зайончковский, Шапшал 1974 – *Баскаков Н.А., Зайончковский А.А., Шапшал С.М.* Караймско-русско-польский словарь. – М.: Русский язык, 1974. – 688 с. {*N.A. Baskakov, A.A. Zaiionchkovskii, S.M. Shapshal.* Karaim-Russian-Polish dictionary. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1974. – 688 p.}
- Гузеев 1974 – *Гузеев Ж.М.* О фонетических особенностях малкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. – Баку, 1974. – № 5. – С. 62–66. {*Zh.M. Guzeev.* On the phonetic features of the Malkar dialect of the Karachay-Balkar language // Soviet Turkology. – Baku, 1974. – No. 5. – PP. 62–66.}
- Гузеев 1975 – *Гузеев Ж.М.* Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка // Ученые записки КБНИИ. – Т. 27. Серия филологическая. – Нальчик, 1975. – С. 131–133. {*Zh.M. Guzeev.* On one feature of vowel harmony in the clicking dialect of the Karachay-Balkarian language // Scientific notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute. – Vol. 27. Philological series. – Nalchik, 1975. – PP. 131–133.}
- Гузеев 1979 – *Гузеев Ж.М.* О принципах орфографии карачаево-балкарского языка // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1979. {*Zh.M. Guzeev.* On the principles of orthography of the Karachay-Balkar language // Theoretical problems of the Karachay-Balkar language. – Nalchik, 1979.}
- Гузеев 1985 – *Гузеев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик, 1985. – 196 с. {*Zh.M. Guzeev.* Semantic development of a word in explanatory dictionaries of Turkic languages. – Nalchik, 1985. – 196 p.}
- Гузеев 2015 – *Гузеев Ж.М., Махиева Л.Х.* Краткий словарь малкарского (ЦЗ) диалекта карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 2015. – 150 с. {*Zh.M. Guzeev, L.Kh. Makhieva.* A short dictionary of the Balkar (Ts/Z) dialect of the Karachay-Balkar language. – Nalchik, 2015. – 150 p.}
- Девлетов, Сейдаметова 2011 – *Девлетов Р.Р., Сейдаметова З.Ф.* Диалектные слова крымскотатарского языка. Словарь. – Акмесджит: Оджакъ, 2011. – 138 с. {*R.R. Devletov, Z.F. Seydametova.* Dialect words of the Crimean Tatar language. Dictionary. – Aqmescit: Odzhak, 2011. – 138 p.}
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с. {Old Turkic Dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969. – 677 p.}
- Дыбо 1996 – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). – М.: ИЯЗ РАН, 1996. – 390 с. {*A.V. Dybo.* Semantic reconstruction in Altaic etymology: somatic terms (shoulder girdle). – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1996. – 390 p.}
- Дыбо 2013 – *Дыбо А.В.* Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана: Prosper Print, 2013. – 616 с. {*A.V. Dybo.* Etymological dictionary of basic lexicon of Turkic languages. – Astana: Prosper Print, 2013. – 616 p.}
- Дыбо 2018 – *Дыбо А.В.* Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне // Российская тюркология. – 2018. – № 1–2 (18–19). – С. 16–28. {*A.V. Dybo.* Phonological features of Karachay-Balkar dialects on a common Turkic background // Russian Turkology. – 2018. – No. 1–2 (18–19). – PP. 16–28.}
- Караулов 1912 – *Караулов Н.А.* Краткий очерк грамматики горского языка «болкар» // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Т. 42. – Тифлис, 1912. – С. 1–169. {*N.A. Karaulov.* A brief outline of the grammar of the mountain language “Bolkar” // Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus. – Vol. 42. – Tiflis, 1912. – PP. 1–169.}
- КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с. {Karachay-Balkar-Russian Dictionary. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. – 832 p.}
- Лиз 1987 – *Лиз Р.Б.* Построение номинализованных конструкций в турецком языке и проблема эллипсиса / Перевод с английского А.Ю. Айхенвальд // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIX. – М.: Прогресс, 1987. – С. 311–323. {*R.B. Lees.* Construction of nominalized structures

- in Turkish and the problem of ellipsis / Translated from English by A.Yu. Aikhenvald // *New in Foreign Linguistics*. – Issue XIX. – Moscow: Progress, 1987. – PP. 311–323.}
- Логвинова 2019 – *Логвинова Н.Н.* Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачкнском говоре чувашского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. – СПб., 2019. – Vol. 15.2. – С. 86–129. {*N.N. Logvinova*. Non-possessive functions of the third person possessive marker in the Malokarachkian dialect of the Chuvash language // *Acta Linguistica Petropolitana*. – St. Petersburg, 2019. – Vol. 15.2. – PP. 86–129.}
- Мальцева 2017 – *Мальцева В.С.* Субстантивация с помощью словоизменительных показателей в хакасском языке // 7-я тематическая конференция «Типология морфосинтаксических параметров». – М., 2017. Тезисы доклада. URL: <https://ossetic-studies.org/tmp2017/data/uploads/abstracts/malceva.pdf> (access date: 17.06.2024) {*V.S. Maltseva*. Substantivization using inflectional indicators in the Khakas language // The 7th thematic conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”. – Moscow, 2017.}
- Мусаев 1964 – *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка: фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 345 с. {*K.M. Musaev*. Grammar of the Karaim language: phonetics and morphology. – Moscow: Nauka, 1964. – 345 p.}
- Мусаев 2017 – *Мусаев К.М.* Кыпчакские языки. – М.: Языки народов мира – Тезаурус, 2017. – 424 с. {*K.M. Musaev*. Kypchak languages. – Moscow: Languages of the World – Thesaurus, 2017. – 424 p.}
- Ольмесов 1996 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 1996. – 67 с. {*N.Kh. Olmesov*. Comparative-historical research of the dialect system of the Kumyk language: Dr. Habil. diss. abstract. – Kazan, 1996. – 67 p.}
- Реби 2004 – *Реби Д.* Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 224 с. {*D. Rebi*. Krymchak language. Krymchak-Russian dictionary. – Simferopol: Dolya, 2004. – 224 p.}
- РКБС 1965 – Русско-карачаево-балкарский язык. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 744 с. {*Russian-Karachay-Balkar dictionary*. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1965. – 744 p.}
- Совр. КБЯ 2016 – Современный карачаево-балкарский язык. Часть 1 / Под ред. *Ж.М. Гузеева*. – Нальчик, 2016. – 443 с. {*Modern Karachay-Balkar language*. Vol. 1 / Ed. by *Zh.M. Guzeev*. – Nalchik, 2016. – 443 p.}
- Соттаев 1960 – *Соттаев А.Х.* Диалектный состав балкарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Казань, 1960. – 204 с. {*A.Kh. Sottaev*. Dialectal Composition of the Balkar Language // *Issues of Turkic Languages Dialectology*. – Kazan, 1960. – 204 p.}
- ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. I том. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1021 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Volume I. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 1021 p.}
- ТСКБЯ 2002 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. II том. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1172 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Volume II. – Nalchik: El-Fa, 2002. – 1172 p.}
- ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. III том. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1159 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language*. Volume III. – Nalchik: El-Fa, 2005. – 1159 p.}
- Усеинов 2007 – *Усеинов С.М.* Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь. – Симферополь: Тезис, 2007. – 640 с. {*S.M. Useinov*. Russian-Crimean Tatar, Crimean Tatar-Russian dictionary. – Simferopol: Tezis, 2007. – 640 p.}
- Федотова 2020 – *Федотова И.В.* Полисемия в списках самодийской базисной лексики и языковые контакты // Урало-алтайские исследования. – М., 2020. – № 2 (37). – С. 79–116. {*I.V. Fedotova*. Polysemy in lists of Samoyedic basic lexicon and language contacts // *Ural-Altai Studies*. – Moscow, 2020. – No. 2 (37). – PP. 79–116.}
- Филоненко 1940 – *Филоненко В.И.* Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. – Нальчик, 1940. – 89 с. {*V.I. Filonenko*. Grammar of the Balkar Language. Phonetics and Morphology. – Nalchik, 1940. – 89 p.}
- Чеченов 1996 – *Чеченов А.А.* Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М.: ИЯЗ РАН, 1996. – 395 с. {*A.A. Chechenov*. Historical phonetics of the Karachay-Balkar language. – Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1996. – 395 p.}

- ЭБТЯ – Этимологическая база тюркских языков в Starling. {Etymological Database of Turkic Languages in Starling.}
- ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘В’, ‘Г’ и ‘Д’. – М.: Наука, 1980. – 395 с. {*E.V. Sevortyan.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘V’, ‘G’ and ‘D’. – Moscow: Nauka, 1980. – 395 p.}
- ЭСТЯ 1989 – *Севортян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. – М.: Наука, 1989. – 292 с. {*E.V. Sevortyan, L.S. Levitskaya.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘J’, ‘Z’, ‘J’. – Moscow: Nauka, 1989. – 292 p.}
- ЭСТЯ 1997 – *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘Қ’. – М.: Наука, 1997. – 364 с. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘K’, ‘Q’. – Moscow: Nauka, 1997. – 364 p.}
- ЭСТЯ 2000 – *Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’. – М.: Наука, 2000. – 261 с. {*L.S. Levitskaya, A.V. Dybo, V.I. Rassadin.* Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letter ‘Q’. – Moscow: Nauka, 2000. – 261 p.}
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Л’, ‘М’, ‘Н’, ‘П’, ‘С’. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с. {Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic roots for the letters ‘L’, ‘M’, ‘N’, ‘P’, ‘S’. – Moscow: Oriental Literature RAS, 2003. – 446 p.}
- Clauson 1972 – *G. Clauson.* An Etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p./
- CLICS³ – Database of Cross-Linguistic Colexifications. – Concept WING. – URL: <https://clics.clld.org/parameters/1257#1/21/1> (access date: 17.06.2024).
- Egorov 2020 – *I. Egorov.* Basic vocabulary of closely related languages in contact: case study of Turkic languages on the Crimean Peninsula // Journal of Language Relationship. – 2020. – No. 18/3. – PP. 170–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/basic-vocabulary-of-closely-related-languages-in-contact-case-study-of-turkic-languages-on-the-crimean-peninsula/viewer> (access date: 17.06.2024).
- Kornfilt 1997 – *J. Kornfilt.* Turkish. – London, New York: Routledge, 1997. – 575 p.
- Kornfilt, Whitman 2011 – *J. Kornfilt, J. Whitman.* Afterword: Nominalizations in syntactic theory // *Lingua*. – 2011. – No. 121. – PP. 1297–1313.
- Németh 1911 – *Gy. Németh.* Kumük tanulmányok. I. Rész: kumük és balkár szójegyzék (Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis) // *Keleti Szemle*, Bd. XII. – Budapest, 1911. – S. 91–153.
- Polinsky 1992 – *M. Polinsky.* Crimean Tatar and Krymchak: classification and description // *The Non-Slavic Languages of the USSR*. – Chicago: The Chicago Linguistic Society, 1992. – PP. 157–188.
- Pröhle 1909a – *W. Pröhle.* Karatschaisches Wörterverzeichnis // *Keleti Szemle*, Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 83–150.
- Pröhle 1909b – *W. Pröhle.* Karatschaische Studien // *Keleti Szemle*, Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215–304 (I. Karatschaische Laut und Formenlehre, S. 215–235; II. Karatschaische Texte, S. 235–304).
- Pröhle 1914–1915 – *W. Pröhle.* Balkarische Studien I // *Keleti Szemle*, Bd. XV. – Budapest, 1914–1915. – S. 164–276 (Vorwort, S. 165–167; I. Laut und Formenlehre, S. 167–196; II. Wörterverzeichnis, S. 196–270).
- Pröhle 1915–1916 – *W. Pröhle.* Balkarische Studien. II // *Keleti Szemle*, Bd. XVI. – Budapest, 1915–1916. – S. 104–243 (Texte mit deutscher Übersetzung und Kommentar).
- Tietze 2019 – *A. Tietze.* Tarihi ve etimolojik Türkiye Türkçesi lügati. [*A. Tietze.* Историко-этимологический словарь турецкого языка.] – Ankara: TÜBA (Türkiye Bilimler Akademisi), 2019. – 505 s. {*A. Tietze.* Historical and etymological dictionary of the Turkish language. – Ankara: TÜBA (The Turkish Academy of Sciences) Publ., 2019. – 505 p.} (In Turkish.)